

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ КИБЕР САНКЦИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ

Н.О. Мороз

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская 8, Nataliya.Maroz@gmail.com

В статье рассматривается сущность киберсанкций и оценивается их возможное влияние на реализацию коллективного права на развитие. Автор обосновывает, что современная практика принятия односторонних принудительных мер в киберпространстве часто осуществляется в нарушение международного права, и препятствует реализации коллективного права на развитие на общедемократической и недискриминационной основе. По итогам проведенного исследования предлагается внесение дополнений в проект конвенции о праве на развитие.

Ключевые слова: право на развитие, односторонние принудительные меры, санкции, киберсанкции.

THE NEGATIVE IMPACT OF THE USE OF CYBER SANCTIONS ON THE ENJOYMENT OF THE COLLECTIVE RIGHT TO DEVELOPMENT

N.A. Maroz

Belarusian State University, st. Leningradskaya 8, Nataliya.Maroz@gmail.com

The article discusses the notion of cyber sanctions and assesses their possible impact on the enjoyment of the collective right to development. The author substantiates that contemporary practice of taking unilateral coercive measures in cyberspace is often carried out in violation of international law and negatively impacts implementation of the collective right to development on a democratic and non-discriminatory basis. Based on the results of the research, the article proposes some amendments to the draft convention on the right to development.

Keywords: right to development, unilateral coercive measures, sanctions, cyber sanctions

В настоящее время применение односторонних принудительных мер охватывает довольно широкий круг сфер правоотношений, включая и те, которые связаны с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Учитывая тот факт, что использование ИКТ не только осуществляется в любой отрасли человеческой жизнедеятельности,

но и является крайне важным для нормального экономического развития государств, а также полной реализации прав и свобод человека, принятие односторонних принудительных мер может порождать целый ряд неблагоприятных последствий, нуждающихся в обстоятельной международно-правовой квалификации и оценке.

Отдельные аспекты применения односторонних принудительных мер в сфере использования ИКТ предметом исследования как западных, так и отечественных ученых [1; 2; 3; 4; 5]. В основном, они касались правовой природы таких мер, их влияния на развитие международных отношений, а также реализацию прав и свобод человека. При этом к настоящему времени так и не выработан единый подход как к использованию, так и пониманию значимых терминов в данной сфере. Так, в доктрине используются понятия «киберсанкции» [1; 2; 3], «односторонние киберсанкции» [4], «односторонние санкции в киберпространстве» [5].

Недостаточно изученным является вопрос о соотношении применения таких мер и осуществления коллективного права на развитие. Рост применения односторонних принудительных мер с использованием ИКТ влечет исключение определенных стран из определенных сфер сотрудничества в области использования ИКТ, и таким образом, может препятствовать народам этих государств в реализации их права на развитие; вести к углублению цифрового разрыва.

Так, практика блокирования аккаунтов в социальных сетях [6], предотвращения доступа к банковским услугам онлайн; кампании по диффамации в рамках санкционных режимов; блокирование доступа к онлайн-платформам и услугам; публичное наблюдение за социальными сетями; требование удаления определенных твитов, блогов и личных сообщений на онлайн-платформах [7] оказывают негативное влияние на реализацию очень многих прав человека, включая право на развитие, поскольку целый ряд государств лишается возможности участвовать в пользовании благами, являющимися результатом развития ИКТ (участвовать в научной деятельности; получать доступ к справедливому распределению результатов экономической деятельности; закупать медицинские препараты и средства профилактики заболеваний; осуществлять образовательную деятельность с использованием ИКТ и (или) участвовать с международным сотрудничеством в данной области и т.д.).

В этой связи проведение исследования по данной тематике представляется не только весьма актуальным, но и своевременным.

Право на развитие впервые было четко сформулировано в Декларации о праве на развитие, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 41/128 от 4 декабря 1986 г. Данное право вытекает из обязательств по Уставу ООН 1945 г. (п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 55 Устава ООН), тесно связано с ре-

ализацией права народов на самоопределение (п. 2 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г.).

В соответствии с п. 1 ст. 1 Декларации о праве на развитие «право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами». Взаимосвязь между правом на развитие и другими правами человека четко прослеживается в формулировках целей устойчивого развития, их задач и показателей достижения. Не только устойчивое развитие создает необходимые условия для реализации прав человека, но и «права человека создают важные для устойчивого развития условия» [8]. Как подчеркивается ООН «каждая из 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР) прямо или косвенно отражает существующие принципы и стандарты в области прав человека, охватывая как экономические и социальные права, так и гражданские, политические, культурные права, а также право на развитие» [9].

Право на развитие охватывает и необходимость обеспечения участия всех народов в современном информационном обмене. Так, в резолюции Совета ООН по правам человека 33/3 от 29 сентября 2016 г. указывалось на необходимость «поощрение свободного, справедливого, эффективного и сбалансированного международного информационно-коммуникационного порядка на основе международного сотрудничества в интересах достижения на новой основе равновесия и большей взаимности в международном потоке информации, в частности путем устранения неравенства в потоке информации в развивающиеся страны и из них» (п. j ст. б).

Специальным докладчиком ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Е.Ф. Довгань указывалось, что развитие кибертехнологий несомненно повлияло на применение односторонних санкций отдельными государствами [10].

Принятие односторонних принудительных мер может включать в себя широкий спектр мер, которые могут по-разному квалифицироваться согласно международному праву (например, правомерные меры могут включать реализацию суверенного права на выбор партнеров для сотрудничества; реторсии; контрмеры; меры, применяемые с целью реализации санкций Совета Безопасности ООН; а неправомерные – вмешательство во внутренние дела государства; применение силы и угрозы силой и др.), а

также носить разные наименования («санкции», «односторонние санкции», «односторонние принудительные меры»).

По замечанию Специального докладчика ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Е.Ф. Довгань «односторонние санкции, применяемые государствами, группами государств или региональными организациями без согласия или в обход разрешения Совета [Безопасности ООН], не в соответствии с международными обязательствами применяющего санкции субъекта, или незаконность которых не исключается в соответствии с правом международной ответственности, вне зависимости от объявленной цели или задачи – включая в том числе экономические, финансовые, политические или любого другого рода ориентированные на государство или целенаправленные меры, применяемые к другим государствам, физическим лицам, компаниям или другим неправительственным образованиям с целью изменить политику или поведение другого государства, добиться от него подчинения в осуществлении его суверенных прав, обеспечить преимущества любого рода или предупредить, принудить или наказать государство, против которого введены санкции, – представляют собой односторонние принудительные меры и поэтому являются незаконными в рамках международного права» [11].

Принятие таких незаконных принудительных мер не способствует реализации п 3. ст. 3 Декларации о праве на развитие, который гласит, что «государства должны сотрудничать друг с другом в обеспечении развития и устранения препятствий на его пути. Государства должны осуществлять свои права и выполнять свои обязанности таким образом, чтобы содействовать установлению нового международного экономического порядка, основанного на суверенном равенстве, взаимозависимости, взаимной заинтересованности и сотрудничестве между всеми государствами, а также поощрять соблюдение и осуществление прав человека». Таким образом, принятие любых неправомерных односторонних принудительных мер будет оказывать негативное влияние на реализацию права на развитие.

Киберсанкции представляют собой один из видов односторонних принудительных мер, которые, соответственно, также могут иметь различную международно-правовую квалификацию. С учетом отсутствия единства в применении понятийно-терминологического аппарата в рассматриваемой сфере, можно предположить, что в настоящее время под киберсанкциями могут пониматься:

а) односторонние принудительные меры, принимаемые в ответ на злонамеренную деятельность в киберпространстве (например, в ответ ряд кибератак, проведенных группой хакеров АРТ10, АРТ 38 и др. [12]). При этом сами односторонние санкции в данном случае, в основном, включают

традиционный спектр мер принуждения (замораживание средств и экономических ресурсов [13; 14], запрет на въезд [13]);

б) односторонние принудительные меры, принимаемые в ответ на деятельность, не связанную с осуществлением злонамеренных действий в киберпространстве, но по своей сути оказывающие воздействие на возможность использования ИКТ в различных сферах (например, ограничения на передачу программного обеспечения [7]).

Кроме того, нельзя не отметить, что практика оверкомлайнса, осуществляемая частными корпорациями в связи с наличием санкционного режима, самым прямым образом влияет на возможности использования ИКТ в государствах, находящихся под санкциями. Подобные меры включают блокировку аккаунтов, ограничение доступа к онлайн платформам. Так, например, с июля 2020 г. доступ иранских пользователей к своим услугам ограничили не менее 300 компаний [7].

По замечанию Специального докладчика ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека «отказ в доступе к конкретным интернет-ресурсам»; а также «некоторые односторонние санкции в киберсфере — предотвращение доступа к спутникам, Интернету, программному обеспечению, общедоступным информационно-коммуникационным платформам и услугам — затрагивают все население стран, ставших объектами санкций, и негативно влияют на их экономические и культурные права, включая <...> [право] на развитие» [7].

Таким образом, влияние на реализацию права на развитие киберсанкций должно учитываться акторами, принимающими решения о принятии таких мер, с учетом их обязательств как в области прав человека, так и по Уставу ООН.

В настоящее время ведется подготовка многосторонней конвенции о праве на развитие в рамках ООН (резолюция Совета ООН по правам человека 39/9 от 27 сентября 2018 г.). В проекте данной конвенции предусмотрена обязанность по сотрудничеству в обеспечении права на развитие (ст. 13), а также закреплён принцип международной солидарности, как основа для такого сотрудничества (п. g ст. 3) [15]. В проекте данной конвенции не содержится специальных положений, посвященных использованию ИКТ или обеспечению информационной безопасности в интересах развития.

В п. 2 ст. 13 проекта конвенции о праве на развитие указывается, что «государства-участники признают свою главную ответственность за создание международных условий, благоприятствующих реализации права на развитие для всех, и обязуются предпринимать обдуманые, конкретные и целенаправленные шаги по отдельности и совместно <...>» с тем, чтобы «<...> б) обеспечить устранение препятствий на пути полной реали-

зации права на развитие из всех международно-правовых документов, политики и практики»; «<...> е) мобилизовать соответствующие технические, технологические, финансовые, инфраструктурные и другие необходимые ресурсы, чтобы позволить государствам-участникам, особенно тем, которые имеют ограниченную доступность этих ресурсов или доступа к ним для выполнения своих обязательств по настоящей Конвенции». Таким образом, ограничение ресурсов (в том числе и цифровых), которые и так находятся в ограниченной доступности для государств, является неправомерным согласно проекту данной конвенции.

Проектом конвенции о праве на развитие запрещается использовать принуждение с целью «добиться от него подчинения в осуществлении им его суверенных прав в нарушение принципов суверенного равенства государств и свободы согласия» (ст. 14). В то же время в проекте нет положений, которые бы требовали от государств учитывать свои обязательства в части обеспечения права на развития при принятии контрмер.

В Комментарий к пп. b ч. 1 ст. 50 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, разработанного Комиссией международного права ООН, указывается на тот факт, что обязательства по защите прав человека, как обязательства, которые не могут затрагиваться контрмерами, в принципе, охватывают и основные социально-экономические права [16]. В то же время право на развитие прямо не предусматривается Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., и не вполне ясно, в какой степени оно не может быть затронуто контрмерами. В то же время как было указано выше данное право в контексте использования ИКТ для целей развития очень сильно может подвергаться негативному влиянию от применяемых односторонних принудительных мер. В том случае, когда речь идет о правомерных принудительных мерах (в частности, контрмерах), по нашему мнению, общая обязанность по сотрудничеству в рамках осуществления права на развития не должна затрагиваться настолько, чтобы полностью исключать народы из системы международного сотрудничества в области развития. Более того, такие меры также не должны подрывать осуществление индивидуальное право на развитие, неотъемлемо принадлежащее каждому индивиду (то есть фактически делать его неосуществимым). В этой связи считаем целесообразным дополнение проекта конвенции о праве на развитие нормой следующего содержания:

«Не допускается применение контрмер с использованием ИКТ, результатом которых является полное исключение определенного народа из международного сотрудничества в области развития, а также подрывающих осуществление индивидуального права на развитие, неотъемлемо принадлежащего каждому индивиду».

На основании изложенного выше можно прийти к следующим выводам:

1. Влияние на реализацию права на развитие односторонних принудительных мер должно учитываться акторами, принимающими решения о принятии таких мер с учетом их обязательств в области прав человека, в том числе, по «обеспечению развития и устранения препятствий на его пути», а также в соответствии с иными международными обязательствами по Уставу ООН.

2. В целях обеспечения права всех народов на развитие считаем целесообразным дополнить проект конвенции о праве на развитие нормой следующего содержания: «Не допускается применение контрмер с использованием ИКТ, результатом которых является полное исключение определенного народа из международного сотрудничества в области развития, а также подрывающих осуществление индивидуального права на развитие, неотъемлемо принадлежащего каждому индивиду». Указанное дополнение позволит снизить негативное влияние последствий от принятия контрмер на реализацию права на развитие.

Библиографические ссылки

1. Яникеева, И.О. Роль киберсанкций в международных отношениях / И.О. Яникеева // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. – 2022. – 1(31). – С. 6–33.

2. Iftimie, I.A. Cyber Sanctions: Weaponising the Embargo of Flagged Data in a Fragmented Internet / I.A. Iftimie // Journal of information warfare. – 2020. – Vol.19 (1). – P. 48–61.

3. Miadzvetskaya, Y. Challenges of the Cyber Sanctions Regime under the Common Foreign and Security Policy (CFSP) / Miadzvetskaya Y. // Security and Law. – Cambridge: Intersentia, 2019. – P. 277–298.

4. Bogdanova, I. Unilateral cyber sanctions: Between questioned legality and normative value / Bogdanova I., Callo-Muller M. V. // Vanderbilt journal of transnational law. – 2021. – Vol.54 (4). – P. 911–954.

5. Довгань, Е.Ф. Теория и практика введения санкций за злонамеренную деятельность в информационном пространстве / Е.Ф. Довгань // Журнал международного права и международных отношений. – 2022. – № 1-2. – С. 9–18.

6. Douhan A. The changing nature of sanctions in the digital era // Digital transformations in public international law. – Nomos: Baden-Baden. – 2022. – Vol. 317. - P. 126.

7. Односторонние санкции в киберпространстве: тенденции и проблемы: Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань, A/77/296 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/464/12/PDF/N2246412.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 12.09.2022.

8. Продвижение устойчивого развития через права человека [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/about-us/what-we-do/our-roadmap/advancing-sustainable-development-through-humanrights>. – Дата доступа: 12.04.2023.

9. Цели устойчивого развития, права человека и COVID-19: что важно знать каждому? [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим досту-

па: <https://belarus.un.org/ru/130626-celi-ustoychivogo-razvitiya-prava-cheloveka-i-covid-19-chto-vazhno-znat-kazhdomu>. – Дата доступа: 12.04.2023.

10. Односторонние санкции в киберпространстве: тенденции и проблемы : Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/464/12/PDF/N2246412.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 13.05.2023.

11. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека, A/76/174/Rev.1, п. 5 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/245/78/PDF/N2124578.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 22.08.2022.

12. Council Implementing Regulation (EU) 2020/1125 of 30 July 2020 implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // OJ L 246, 30.7.2020, p. 4–9.

13. Council Decision (CFSP) 2019/797 of 17 May 2019 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // OJ L 129I , 17.5.2019, p. 13–19.

14. Executive Order 13694 "Blocking the Property of Certain Persons Engaging in Significant Malicious Cyber-Enabled Activities", April 01, 2015 // <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/01/executive-order-blocking-property-certain-persons-engaging-significant-m>;

15. Draft convention on the right to development, A/HRC/WG.2/21/2 [Electronic resource] / UN Human Rights Office of the High Commissioner. – Mode of access: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Development/Session21/3_A_HRC_WG.2_21_2_AdvanceEditedVersion.pdf. – Date of access: 22.10.2022.

16. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries, 2001, A/56/10 [Electronic resource] / United Nations. – Mode of access: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf.